

СОВЕТ МИНИСТРОВ О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ (1906–1914)

Ф. А. ГАЙДА

Статья посвящена анализу представлений российского правительства об основных проблемах Русской Православной Церкви в начале XX в. Первая русская революция 1905–1907 гг. привела к провозглашению принципа свободы совести, который необходимо было согласовать с сохранявшимся принципом господствующей Церкви. Из политических соображений правительство встало на путь поиска союза со старообрядцами, однако эта тенденция вызывала неприятие Церкви, чьи интересы в правительстве представлял обер-прокурор П. П. Извольский. Между тем правительство Столыпина не опасалось осложнения своих отношений с Синодом и изначально ставило перед собой задачу полностью воплотить в жизнь все принципы указа 17 апреля 1905 г. Основной задачей в церковной сфере правительство считало возрождение приходской жизни. По мере достижения политической стабильности данная задача осознавалась как все более актуальная; назначение обер-прокурором В. К. Саблера определялось в первую очередь этим. Предпринятая Саблером коррекция ведомственного курса была обусловлена поведением III Думы, подвергшей резкой критике Синод и предполагавшей упразднение церковно-приходских школ. Саблер разработал проект приходской реформы, который, в отличие от проектов Извольского и разработанных в Думе, не предполагал выборности духовенства и сохранял контроль епископа над приходским советом. Проведение разработанной Саблером приходской реформы осложнялось противостоянием исполнительной и законодательной властей. Однако Саблер не смог добиться от Совета министров проведения приходской реформы, минуя законодательные палаты. Политика Совета министров находила поддержку у монарха, который лишь в частных случаях использовал свою верховную власть посредством премьера или обер-прокурора.

В истории Русской Православной Церкви начала XX в. значительное место занимают сюжеты, связанные с ее взаимоотношениями с государством. Переломная эпоха в истории России в неменьшей степени затронула и Церковь, причем в общественных и властных кругах активно рассматривались различные варианты реформирования церковной структуры. Между тем в историографии доминирует точка зрения, что коренные изменения в вероисповедной сфере могли быть осуществлены только после радикальной смены политического режи-

ма¹. В действительности именно так и произошло, однако это не устраняет необходимости постановки вопроса о причинах подобной ситуации: была ли она вызвана фатальным консерватизмом самодержавия, традиционной косностью бюрократического подхода или обстоятельства были более сложными? В этой связи рассмотрение внутриправительственной полемики по религиозным и церковным вопросам, а также помещение ее в общеполитический контекст имеет большое значение. Эволюция государственной политики по отношению к Церкви в историографии уже констатировалась², но мотивы этой политики и ее изменений пока не подвергались специальному анализу. Исключение составляет работа Ю. С. Белова, в которой полемика внутри Совета министров подается как типичная борьба либерального и консервативного дискурсов³, что вряд ли объясняет все ее особенности.

Революция 1905 г. вызвала не только правительственные уступки, но и стремление власти к консолидации своих сторонников. Именно этими двумя соображениями и обуславливались попытки выстроить компромиссную политику между конфессиями. Указ 17 апреля 1905 г. о веротерпимости создавал новую религиозную ситуацию в России и поле для новой государственной политики. В указе отмечалось, что веротерпимость есть «дело мира и любви» и «послужит к вьшему возвеличению Православной веры, порождаемой благодатию Господнею, поучением, кротостью и добрыми примерами». Указ позволял подданным покидать Православную Церковь; дети до 14 лет должны были последовать за своими родителями, если никто из них не оставался православным. Провозглашалась свобода самоуправления, проповеди и образования для всех конфессий, кроме «изуверских сект»⁴.

Новые принципы требовали новых законов, которые теперь проходили через парламент. Наученное горьким опытом тотального противостояния с I Думой, правительство, во главе которого после ее роспуска в июле 1906 г. встал П. А. Столыпин, готовилось осуществлять в Думе нового созыва политику лавирования. Одной из составных ее частей, пожалуй наиболее важной, стал поиск союза с раскольниками. В указе 17 апреля 7 из 17 пунктов касались непосредственно старообрядцев. 5 сентября и 13 октября 1906 г. Совет министров рассмотрел подготовленный товарищем министра внутренних дел С. Е. Крыжановским проект Положений о старообрядцах и отделившихся от православия сектантов. Община, если она не являлась «изуверской», могла подавать заявление в губернское правление о регистрации, получала самоуправление и статус юридического лица. Ссылаясь на Высочайшую волю, выраженную в указе 17 апреля, и «нравственную обязанность» в отношении «нескольких миллионов

¹ См.: Пинкевич В. К. Вероисповедные реформы в России в период думской монархии (1906–1917 гг.). М., 2000; Сафонов А. А. Правовое регулирование функционирования религиозных объединений в России в начале XX века. Дис. ... д-р юрид. наук. М., 2008.

² См.: Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002. С. 349–353, 355–357, 371–373.

³ См.: Белов Ю. С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 379–397.

⁴ Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т. XXV: 1905. СПб., 1908. С. 237–238.

верноподданных», Совет министров по поводу необходимости принятия закона также отмечал: «Требуют этого и интересы сохранения старообрядцев — этого исконного оплота русской государственности — в рядах сторонников порядка и мирного обновления нашего государственного строя, тем более что уже и среди них начинает замечаться брожение и некоторый поворот в сторону крайних течений». Известный своими умеренно-либеральными взглядами обер-прокурор П. П. Извольский, оговаривая безусловный принцип достоинства Православной Церкви как «первенствующей и господствующей религии в Государстве Российском», вполне в духе манифеста отмечал: «Вера Православная, как гласят ее заветы, порождается благодатью Господней, поучением, кротостью и добрыми примерами. Всякое насилие чуждо самой природы Церкви Христовой; поэтому можно только приветствовать действительное освобождение старообрядцев и сектантов от затруднений в деле исповедания ими своей веры»⁵.

Однако вопрос о соотношении постулатов первенства господствующей Церкви и свободы исповеданий сразу вызвал серьезную полемику, причем в ней объединенное правительство выступило против одинокого обер-прокурора (участники дискуссии, кроме самого Извольского, в журнале Совета министров не обозначались, однако по характеру полемики видно, что оппонентом обер-прокурора выступал сам Столыпин — как премьер и как министр внутренних дел). Извольский имел предварительное совещание с членами Святейшего Синода, после чего вынес на заседание правительства ряд соображений. Предлагалось не вносить в проект права старообрядцев на официально признанную священную иерархию, поскольку она признавалась в государстве только за исповеданиями, имеющими апостольское преемство (православными, католиками, армяно-григорианами); не присваивать старообрядческим молитвенным домам именованье «храмов», а место строительства новых домов согласовывать с православными церковными властями. Была также выражена просьба не позволять старообрядцам совершение крестных ходов⁶. Вполне очевидно, что тем самым Синод выступал против возможности придания старообрядческим сообществам внешней церковной атрибутики.

Часть предложений, касающихся иерархических степеней и именованья молитвенных домов, вполне соответствовали указу 17 октября, однако остальные просьбы входили в противоречие с его духом. Между тем правительство не только встало на защиту указа, но оказалось на более лояльной по отношению к старообрядцам позиции. Совет министров еще раз отметил «значение уз, исторически скрепивших воедино судьбы Государства Российского и Православной Церкви» и законодательно установленный ее статус как первенствующей и господствующей, но большую часть предложений обер-прокурора и Синода отверг. Была удовлетворена лишь просьба, касавшаяся именованья иерархии. Остальные возражения Извольского последствий не имели (хотя среди присутствующих и находился родной брат обер-прокурора — министр иностранных дел А. П. Извольский, один из наиболее близких к Столыпину членов прави-

⁵ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1906 год. М., 2011. С. 220–221.

⁶ См.: Там же. С. 222–223, 226–227.

тельства). Старообрядческие церкви было разрешено именовать «храмами» на том основании, что это слово применялось и расширительно по отношению к светским сооружениям; место строения старообрядческих церквей должно было, по мнению правительства, согласовываться не с церковными властями, а со светскими (губернаторами), которые, как предполагалось, защитят интересы Православной Церкви. Совет министров также не нашел возможным препятствовать совершению крестных ходов, оговорив это лишь общим требованием согласования их с полицейским начальством⁷.

Пожалуй, наиболее показательным стало отношение к еще одному предложению Синода. Он просил одновременно с принятием Положения о старообрядцах пересмотреть уставы о православном приходе и приходских братствах и попечительствах. В противном случае, по мнению иерархов, старообрядцы получали преимущество перед Церковью. Извольский особенно отмечал, что приходской вопрос был «издавна близок сердцу православных», поскольку именно приход — «объединенный храмом союз исповедывающих одну и ту же веру людей» — являлся основной церковной единицей. Между тем Положение о приходе 1864 г. устарело, приход не имел прав юридического лица, не избирал священнослужителей, отчислял от 25 до 60 % средств епархиальному начальству. «Такое положение не удовлетворяет потребностям православных; среди них ныне замечается искание новых форм церковной жизни, причем в этом движении участвуют как пастыри церкви, так и прихожане», — отмечал обер-прокурор. Появление самоуправляющегося прихода у старообрядцев могло, по мнению Извольского, спровоцировать отпадение значительного числа верующих от православия: «Изложенное явление может иметь весьма пагубные последствия: не говоря уже о возможности недовольства среди духовенства, донныне в большей своей части принадлежащего к числу верных слуг порядка и нашего государственного строя, грозит опасность появления нового великого раскола в Церкви Православной»⁸. Можно отметить то, что в аргументации своей позиции Извольский прибегал к той же логике, которая разделялась всем составом Совета министров в отношении старообрядцев: проблема, если ее не решить, вызовет неблагоприятные для власти политические последствия.

Однако аргументация Извольского на позицию Совета министров опять не повлияла: по-видимому, правительство не опасалось роста оппозиционных настроений среди духовенства и не видело оснований для раскола в среде господствующей Церкви. Обер-прокурор лишь получил предложение разработать проекты, касающиеся Православной Церкви. Одновременно министру внутренних дел (эту должность сохранил за собой Столыпин) также было поручено подготовить однородный со старообрядческим законопроект для остальных сектантов⁹. Старообрядческий проект был одобрен императором в спешном порядке — уже 17 октября 1906 г.¹⁰

⁷ См.: Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1906 год. С. 223, 225–227.

⁸ Там же. С. 223.

⁹ См.: Там же. С. 228.

¹⁰ См.: Там же. С. 219.

Как отмечает С. Л. Фирсов, в преамбуле законопроекта было прописано, что старообрядцы являлись частью Православной Церкви. Вместе с тем проект должен был освободить старообрядцев от опеки со стороны церковной власти. Бюрократы полагали, что только таким путем возможно сблизить, а в перспективе и воссоединить старообрядцев с Церковью. Историк полагает такую логику странной¹¹. Однако представить себе иной путь в обстоятельствах начала XX в. было попросту невозможно. Кроме того, за этим крылась и политическая цель: сблизить старообрядцев с государством. Для правительства она, разумеется, была основной.

Позиция Совета министров, как уже отмечалось, соответствовала личным взглядам премьера. В первой своей речи во II Думе 6 марта 1907 г., представляя правительственную программу, Столыпин отмечал: «Оберегая права и преимущества Православной Церкви, власть тем самым призвана оберегать полную свободу ее внутреннего управления и устройства и идти навстречу всем ее начинаниям, находящимся в соответствии с общими законами государства. Государство же и в пределах новых положений не может отойти от заветов истории, напоминающей нам, что во все времена и во всех делах своих русский народ одушевляется именем Православия, с которым неразрывно связаны слава и могущество родной земли. Вместе с тем права и преимущества Православной Церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и вероучений»¹². Иными словами, «преимущества» Православной Церкви связывались Столыпиным с историческим развитием России, в то время как права иных исповеданий — с новой политической ситуацией и законодательной системой. Премьер недвусмысленно предлагал Церкви «встроиться» в новую реальность, чтобы государственная поддержка вновь обрела свою действенность.

Накануне открытия II Думы, 3 и 17 февраля 1907 г. Совет министров рассмотрел семь законопроектов, касающихся осуществления свободы совести (свобода исповедания, отмена политических и гражданских ограничений, переход в иное исповедание, брачное законодательство и т. д.). Извольский вновь выразил предположение, что преимущества Православной Церкви будут поколеблены, причем теперь он уже обрел сторонников со стороны членов правительства. Интересно отметить, что оба новых критика проектов имели немецкое происхождение. Государственный контролер П. Х. Шванебах (по вероисповеданию он был лютеранином) считал, что законопроект о переходе в иное исповедание несвоевременен и вызовет лишь обвинения правительства «в религиозном безразличии». Государственный контролер выдвигал два аргумента против законопроекта: он не будет способствовать улучшению положения в религиозной сфере, но нанесет ущерб в политической. «В деле, столь близко соприкасающемся с глубочайшими основами народной жизни и народного сознания, следует всемерно воздерживаться от таких мероприятий, которые, не внося, в сущности,

¹¹ См.: Фирсов. Указ. соч. С. 285–290.

¹² Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / Предисл. К. Ф. Шацкило, сост., коммент. Ю. Г. Фельштинского. М., 1991. С. 53.

ничего нового, способны, однако, вызвать острое столкновение противоположных мировоззрений», — полагал Шванебах.

В свою очередь министр путей сообщения Н. К. Шаффгаузен-Шенберг-эк-Шауфус (принял российское подданство лишь в 1890 г., однако ко времени вхождения в правительство был уже православным) возражал против порядка причисления детей к определенному вероисповеданию по соглашению родителей, поскольку это «откроет широко двери для разных интриг и воздействий на семью со стороны лиц, принадлежащих к неправославному вероисповеданию». Шауфус отмечал, что неправославное духовенство обладает «почти повсюду большим образованием и большей ловкостью, чем православное». Ссылки на западный опыт министр отвергал. Он отмечал: «Яд философского рационализма на Западе глубоко вошел в нравы и отдал произволу единицы то, что исключительно принадлежит воле государства». Лишь при полном общественном индифферентизме предлагаемая мера не составляла бы проблемы, но такового в России, по мнению министра, не было. Разделяя Европу и Россию, Шауфус, тем не менее, приводил печальный пример Германии, где «религиозная рознь в семьях составляет одно из несчастий семейной и общественной жизни». В крайнем случае министр предлагал четко прописать форму соглашения родителей, а также возможный возраст ребенка¹³.

Совет министров в ответ на возражения полагал, что прежнее законодательство «не соответствует истинному понятию свободы совести» и что «в этом деле сама жизнь ставит практические вопросы, на которые государство должно дать тот или иной ответ». Как было отмечено, Манифест 17 октября направил Россию «по стезе государственного развития западноевропейских народов». Иными словами, какие бы то ни было охранительные аргументы — будь то сугубо политические (Шванебах) или имеющие также религиозный характер (Извольский, Шауфус) — в расчёт не принимались. В результате было постановлено, что вопрос о переходе в иное исповедание, которое «наиболее соответствует его внутреннему мировоззрению», мог решаться лишь самим совершеннолетним лицом. Родителям было предоставлено право изменять вероисповедание детей начиная с семилетнего возраста¹⁴. Хотя соответствующий журнал заседания Совета министров и не был подписан обер-прокурором, он был Высочайше одобрен 12 марта¹⁵.

Рассмотреть внесенные законопроекты II Дума не успела. Тем не менее окончание Первой русской революции не привело к тому, что вероисповедные вопросы сошли с повестки дня. Октябристское большинство III Думы, изначально занимая относительно лояльную позицию по отношению к правительству и Столыпину лично, одновременно развивало критику власти в оборонной и церковной сферах. Тому было две основные причины: во-первых, в них действительно существовало множество застарелых проблем, что признавалось общественностью и потому приносило думскому большинству дополнительные

¹³ См.: Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1907 год. С. 193–194.

¹⁴ См.: Там же. С. 194–195.

¹⁵ См.: Там же. С. 192.

симпатии избирателей, во-вторых, формально эти сферы были вне непосредственного контроля премьера и не затрагивали отношения октябристов и Столыпина напрямую (при этом всем было ясно, что в перспективе это означало осложнение отношений парламента с монархом). Докладчик октябристской фракции по церковным вопросам И. В. Никаноров в главном рупоре партии — газете «Голос Москвы» — в статье «На краю пропасти» писал об «ужасном состоянии» Русской Церкви, к которому привели «синодальные порядки»¹⁶. В церковной сфере основным вопросом стал вопрос о церковно-приходских школах, по отношению к которым октябристы были настроены весьма критично (в ноябре 1910 г. Дума приняла законопроект о начальной школе, по которому церковно-приходские школы прекращали существование¹⁷). Внесение в III Думу законопроекта о православном приходе оказалось практически неосуществимым¹⁸.

Выступая в III Думе 22 мая 1909 г. при внесении вероисповедных законопроектов, Столыпин проявлял верность принципам указа 17 апреля 1905 г. Премьер повторял: «Все эти преобразования не могли получить осуществления вне вопроса о тех преимуществах, которые сохранены основными законами за Православной Церковью». Он, в частности, соглашался с мнением Синода о необходимости законодательного установления 40-дневного увещательного срока для лица, переходящего из православия в иное исповедание, однако не видел возможности прописывать некие принудительные государственные меры. Но теперь обозначились и новые нюансы: позиция премьера стала несколько сложнее и осмотрительнее. «Вступая в область верования, в область совести, правительство <...> должно действовать крайне бережно, крайне осторожно», — оговаривался Столыпин. Он соглашался с мнением думской комиссии, что формально остававшиеся в рамках христианской конфессии нехристиане должны были из нее исключаться, поскольку в противном случае государство узаконило лицемерие и кощунственное участие в таинствах; Церковь должна была сама отлучать таковых от своего общения. Однако премьер протестовал против предложения думской комиссии прописать в самом законе право перехода из христианской конфессии в нехристианскую (тем более что это уже не считалось преступлением). Как указывал Столыпин, сама комиссия не пошла на признание внеконфессиональной принадлежности, хотя формальный принцип свободы совести этого требовал. Но, заявлял премьер, «во всех государствах принцип свободы совести делает уступки народному духу и народным традициям и проводится в жизнь, строго с ними сообразуясь». Столыпин ссылаясь на пример Пруссии, Австрии, Швейцарии. Подводился итог: «Народ, ищущий утешений в молитве, поймет, конечно, что за веру, за молитву каждого по своему обряду закон не карает. Но тот же народ, господа, не уразумеет закона, закона чисто вывесочного характера, который провозгласит, что православие, христианство

¹⁶ Никаноров И. На краю пропасти // Голос Москвы. 10 августа 1910 г.

¹⁷ См.: Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. Стенографические отчеты. СПб., 1910–1911. Ч. I. Стб. 2204–2216.

¹⁸ Подробнее см.: Гайда Ф. А. Русская политическая общественность последних лет Империи о вере и Церкви // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. С. 16–24.

уравнивается с язычеством, еврейством, магометанством. <...> Господа, наша задача состоит не в том, чтобы приспособить православие к отвлеченной теории свободы совести, а в том, чтобы зажечь светоч исповедной свободы совести в пределах нашего русского православного государства»¹⁹. Таким образом, несмотря на отчетливо прозвучавшие новые нотки, позиция государства оставалась прежней. Как и ранее, мотивация премьера была вполне прагматичной: он ориентировался на лояльные христианские элементы российского общества независимо от конфессиональной принадлежности. Забегая вперед, стоит отметить, что судьба вероисповедных законопроектов в конечном счете была решена не правительством: проект о религиозных общинах пролежал в III Думе до окончания ее срока, проекты об устройстве общин и о переходе в иное исповедание так и не были согласованы между законодательными палатами, последний из них в январе 1913 г. был изъят новым министром внутренних дел Н. А. Маклаковым под предлогом обновления²⁰.

Как было отмечено, позиция премьера предполагала сохранение союза государства с Православной Церковью, однако он мыслился как предполагающий взаимные обязательства. В своей речи 1909 г. премьер дал свою оценку мнению, что Церковь должна быть полностью свободна в своих действиях от государства. Выводя из-под критики Святейший Синод, премьер особо оговаривался, что это мнение исходило не от самого Синода. Как отмечал Столыпин, Синод со времени своего учреждения действовал в сфере догматики, канонов и церковного управления «совершенно автономно». Однако в сфере церковно-государственных отношений Церковь не могла быть свободной совершенно. Премьер цитировал слова выдающегося правоведа Б. Н. Чичерина: «Чем выше политическое положение церкви в государстве, чем теснее она входит в область государственного организма, тем значительнее должны быть и права государства». Столыпин отмечал: «Отказ государства от церковно-гражданского законодательства — перенесение его всецело в область ведения церкви — повел бы к разрыву той вековой связи, которая существует между государством и церковью, той связи, которой государство черпает силу духа, а церковь черпает крепость, той связи, которая дала жизнь нашему государству и принесла ей неоценимые услуги. Этот разрыв означен бы также наступление новой эры взаимного недоверия, подозрительности между церковной властью и властью общезаконодательной, которая утратила бы природное свое свойство — власти с церковью союзной. Государство в глазах церкви утратило бы значение государства православного, а церковь, в свою очередь, была бы поставлена в тяжелое положение — в необходимость самой наделять себя политическими и гражданскими правами, со всеми опасными отсюда проистекающими последствиями»²¹. Логика премьера вполне соответствовала тем соображениям, которые были заявлены и ранее: Церковь, по его мнению, должна была использовать союз с государством во взаимовыгодном ключе.

¹⁹ *Столыпин*. Нам нужна великая Россия... С. 209–210, 214–219.

²⁰ См.: Новое время. 27 января 1913 г.; П. А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы. М., 2002. Т. 1. С. 703–706.

²¹ *Столыпин*. Нам нужна великая Россия... С. 210–213.

При таком подходе приход на должность обер-прокурора В. К. Саблера 2 мая 1911 г. нельзя было назвать удивительным. П. П. Извольский (1906–1909) и сменивший его С. М. Лукьянов (1909–1911) не смогли обеспечить Столыпину проведение через Думу необходимых законопроектов. В свою очередь В. К. Саблер, бывший товарищ обер-прокурора при К. П. Победоносцеве, призван был установить более тесную связь императора, премьера и Синода, с тем чтобы решить обозначившуюся законодательную проблему. Хотя назначение как таковое и было неожиданным, в общественных кругах уже заранее предполагали, что новый обер-прокурор будет выходцем из правой среды²². Эта кадровая перемена в историографии обычно рассматривается как свидетельство ослабления влияния премьера²³, но вряд ли это было столь однозначно. Отставка Лукьянова ожидалась достаточно давно. Ее оттяжка произошла из-за прохождения в палатах бюджета Синода и скандального «дела Илиодора» (неуравновешенный и крайне популярный царицынский иеромонах выступал с резкой консервативной критикой правительства и церковной иерархии). Наилучшим выходом из создавшегося положения для Столыпина, втянутого в совершенно ненужную ему историю, было именно скорейшее прекращение дела. В письме императору от 26 февраля 1911 г. Столыпин признавал свою вину в истории с Илиодором, таким образом не возражая против смены Лукьянова. Столыпин лишь просил оттянуть отставку на «месяца два-три» и назначить «человека сильной воли и сильного духа»²⁴. Приход Саблера, который и рассматривался как «сильный духом», нельзя было назвать противодействием Столыпину, хотя это и привело к коррекции обер-прокурорской политики.

26 мая 1911 г. был отклонен прошедший обе палаты законопроект о правах лиц, снявших сан. Формально в 1906–1917 гг. это был единственный прошедший правительство и палаты законопроект, который впоследствии не был утвержден императором (проект был внесен в палаты правительством, но претерпел в Думе значительную правку). Однако вполне очевидно, что этот шаг поддерживался на тот момент и Столыпиным, и Саблером. Уже в августе ведомством, по сведениям печати, был подготовлен законопроект о приходе²⁵. Теперь его судьба определялась результатами выборов в IV Думу, которые должны были состояться через год. Обер-прокурор также пытался обеспечить контакт с религиозно-философскими кругами. При обсуждении Советом министров нового законопроекта о печати Саблер выступил против введения общей духовной цензуры (не касающейся церковной литературы), которая «затруднила бы, несомненно, появление в свет философских сочинений на религиозные темы»²⁶.

²² В общественных кругах ожидали назначения обер-прокурором дворцового коменданта В. А. Дедюлина или попечителя московского учебного округа А. А. Тихомирова (Голос Москвы. 4 мая 1911 г.).

²³ См., напр.: Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 232.

²⁴ П. А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 66–68.

²⁵ См.: Новое время. 10 августа 1911 г.

²⁶ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1913 год. М., 2005. С. 342.

Смерть Столыпина, произошедшая в сентябре 1911 г., не означала перемену политики в церковной сфере. Новый премьер В. Н. Коковцов в письмах императору всячески подчеркивал свое единомыслие с Саблером по подведомственным ему вопросам²⁷. Думские круги, наоборот, развернули резкую критику Синода по «делу Распутина» (тема развивалась в прессе с весны 1910 г., но с начала 1912 г. в рамках предвыборной думской кампании была активно поднята не только в печати, но и в палате). Накануне окончания работы III Думы 8 июня 1912 г. император принял делегацию депутатов и поблагодарил их за работу, однако Николаем II было отмечено, что «некоторые дела получили не то направление, которое Ему представлялось бы желательным»; в первую очередь имелся в виду законопроект о церковно-приходских школах²⁸. При этом царь лично вставил пассаж о школах в свою речь²⁹. В последний день работы Думы произошел скандал: при поднятии членом Думы архиепископом Евлогием (Георгиевским) вопроса о финансировании церковно-приходских школ октябристы демонстративно покинули зал заседания³⁰. Впоследствии лишь Государственный совет сохранил церковно-приходские школы в законопроекте о начальном обучении.

На выборах в IV Думу правительство в лице нового министра внутренних дел А. А. Макарова и обер-прокурора В. К. Саблера попыталось использовать недовольство духовенства в отношении Думы в своих интересах. Было опубликовано составленное Саблером предвыборное воззвание Синода к православному духовенству. В нем отмечалось, что враги власти предлагают стране путь «поругания всех народных святынь, признания равноправия иноверных, уничтожения Престола и даже, может быть, отречения от святой Православной веры и глумления над тем, что дорого русскому православному люду», они преследуют «узкопартийные цели», хотят создать «чисто юридическое государство, в котором бы все инородцы и иноверцы мыслились полноправными подданными», отчего «государство неминуемо понесет непоправимый вред». Всему этому противопоставлялся принципиально иной — правительственный — курс «благоустройства быта народного, укрепления веры Православной, стояния за Самодержавие Монарха»³¹. Таким образом, в ответ на проводимую октябристами законодательную политику обер-прокурор прямо заявил о смене его ведомством курса, принятого еще в 1906 г. Вероисповедное равноправие было четко и однозначно противопоставлено как принципу господствующей Церкви, так и государственным устоям России.

Активность Синода вызывала резкий отпор в либеральной прессе и привела к тому, что церковные вопросы оказались еще более увязанными с политическими. Кроме того, результаты выборов не принесли искомого результата: Дума, хотя и получила усиленное правое крыло, лишилась устойчивого большинства. 15 мая 1913 г. при обсуждении сметы Синода все левое крыло Думы, включая

²⁷ РГИА. Ф. 691. Оп. 1. Д. 11. Л. 25–26. В. Н. Коковцов — Николаю II, 14 ноября 1911 г.

²⁸ Дневник // Русская мысль. 1912. № 7. II паг. С. 153.

²⁹ См.: Лукоянов И. В. У истоков российского парламентаризма: историко-документальное издание. СПб., 2003. С. 284.

³⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 570. Л. 1443. А. С. Вязигин — Т. И. Вязигиной, 9 июня 1912 г.

³¹ Утро России. 1 августа 1912 г.

левых октябристов, покинуло зал. Докладчик В. П. Шеин, член фракции националистов, предложил ведомству изыскать внебюджетные средства на содержание «синодальной бюрократии» и снизить сборы с приходов на различные епархиальные нужды. Смета прошла лишь с критической формулой (резолуцией) октябристов³². Дополнительным поводом для критики стало «Афонское дело»: в июле 1913 г. произошло насильственное выселение российскими властями нескольких сот монахов-имяславцев с Афона в Россию.

Обер-прокурор предполагал провести давно назревшие проекты законов о приходе и приходских братствах и попечительствах. Однако сделать это в нужном ведомстве варианте можно было, лишь видоизменив законодательный порядок. Вследствие этого по инициативе обер-прокурора 4 сентября 1913 г. Совет министров обсудил вопрос о направлении законопроектов по ведомству Православного исповедания. Саблер не скрывал причины обсуждения. Ссылаясь на Духовный регламент 1721 г., который по мысли обер-прокурора сохранял полную силу, и статьи 64 и 65 Основных государственных законов³³, Саблер настаивал, что церковное законодательство, имеющее канонический характер, не должно было рассматриваться в законодательных палатах, а утверждаться императором по представлению обер-прокурора или Совета министров (в том случае, если оно касается также иных ведомств). Обер-прокурор также указывал на статью 96 Основных законов, по которой император самостоятельно издавал постановления по военной и военно-морской части, если они не вызывали дополнительных расходов. Саблер предлагал опубликовать утвержденные императором предположения о порядке применения статьи 65 в Собрании узаконений и распоряжений для придания им общего нормативного характера³⁴.

Совет министров отказался принять ссылку на статью 96, поскольку такая ссылка имела расширительный характер. Однако в целом предложение Саблера было принято. Совет министров лишь посчитал предположения инструкцией и на этом основании отказался публиковать их в Собрании узаконений³⁵. 23 сентября журнал Совета министров был утвержден императором³⁶. А уже 29 октября кадеты инициировали думский запрос к премьеру о применении 65-й статьи и были поддержаны левыми октябристами. Запрос прошел 219 голосами против 50 (тем самым почти половина палаты так или иначе уклонилась от голосования)³⁷. Однако последствий он не имел.

³² См.: Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Стенографические отчеты. Ч. II. СПб., 1913. Стб. 1385–1386, 1402–1409, 1420–1438.

³³ Статья 64: «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоправия и всякого в Церкви святой благочиния». Статья 65: «В управлении Церковном самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного».

³⁴ См.: Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1913 год. С. 350–353.

³⁵ Там же. С. 353–355.

³⁶ Там же. С. 350.

³⁷ См.: Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Стенографические отчеты. Ч. I. СПб., 1914. Стб. 340–395.

23 января 1914 г. правительством обсуждался проект преобразования православного прихода. Журнал Совета министров начинался с обозначения значимости проблемы: «В числе предположений первостепенной важности, направленных к упорядочиванию и улучшению различных сторон нашей государственной и общественной жизни, едва ли не первенствующее значение надлежит придать вопросу об оживлении приходской жизни. Вопрос этот, сопряженный с преобразованием прихода, близко затрагивает духовные интересы коренного населения Империи, мирозерцание коего искони проникнуто крепкою приверженностью к унаследованной от предков православной вере и глубоким религиозным чувством, и приобрел особливую остроту особенно в последнее время». Вновь утверждалось, что приходское положение 1864 г. устарело, а старообрядческие приходы получили свободу большую, чем православные. Сложившаяся ситуация расценивалась как угрожающая: «Устранение прихожан от действительного участия в заведовании приходскими делами приводит к безразличному и безучастному отношению их к интересам церкви, ставит их в положение лишь посещающих храм богомольцев и подавляет какую-либо их самодеятельность». В результате страдали благотворительность и духовное просвещение. Эти обстоятельства, как отмечалось, «вызвали как в среде пастырей церкви, так и в общей массе самих пасомых серьезные опасения за прочность положения Православной Церкви в России»³⁸.

После утверждения журнала от 4 сентября 1913 г. проект был разделен на Основные положения, которые не подлежали внесению в палаты, и Устав. По проекту Устава приход включал всех православных определенной местности, не менее двух раз в год должны были собираться общие приходские собрания с целью решения вопросов материального характера и касающихся «религиозно-нравственной жизни». В них могли участвовать все совершеннолетние прихожане, уплатившие приходские сборы, не отлученные от Церкви, не уклоняющиеся от ежегодной исповеди и причастия, а также не опороченные по суду. Собрание избирало представителей в приходской совет, в котором председательствовал священник, а также состояли причт, староста и попечитель. Приход получал право юридического лица и мог распоряжаться своим имуществом³⁹. Однако оно делилось на два типа — обычное под управлением причта и старосты, а также факультативное под управлением собрания. Проект закона, в отличие от тех соображений, которые высказывал в 1906 г. Извольский, не предполагал выборности духовенства. Этим он также принципиально отличался от всех проектов, разработанных в Думе. Кроме того, в соответствии с проектом епископ имел право назначать перевыборы приходского совета и вплоть до выборов назначать временных членов по представлению священника⁴⁰.

Представленный Саблером проект преобразования прихода вызвал со стороны министров многочисленные соображения по его изменению, которые,

³⁸ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1914 год. М., 2006. С. 63.

³⁹ См.: Там же. С. 64.

⁴⁰ См.: Рожков В., *прот.* Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004. С. 257–268.

однако, имели сугубо практический характер. Совет министров согласился с необходимостью законодательно установить связь прихожан с приходами по месту жительства. Однако он возразил против предложения ограничить членов прихода в праве обращаться за требоисполнением к священникам иных приходов, указав, в частности, на практику существования домовых храмов и паломничеств. Было также решено учесть право прихожан участвовать в жизни иных приходов. Совет министров посчитал необходимым разработать правила о приходских сборах. Ежегодную норму «исполнения христианского долга исповеди и причастия» было предложено изменить на трехлетнюю. Кворум для приходского собрания был снижен с двух третей до половины прихожан⁴¹. Император утвердил законопроект 25 апреля 1914 г.⁴², накануне обсуждения в Государственной думе сметы Синода. В июне, незадолго до завершения думской сессии, приходской устав был внесен в Думу. Проведенный в нем принцип разделения приходского имущества на две разновидности вызвал энергичный протест даже у умеренно-консервативной печати⁴³. Каков бы ни был сам проект, теперь он связывался с личностью Саблера, безвозвратно скомпрометированной еще в период предвыборной кампании 1912 г.

Тем не менее еще до визирования законопроекта 15 апреля Николай II обратился к обер-прокурору о прекращении «Афонского дела» — отмене судебного решения и восстановлении всех осужденных в служении. Покровителем имяславцев выступал стоявший во главе Синода московский митрополит Макарий (Парвицкий-Невский). Состоялся суд московской синодальной конторы, который полностью оправдал имяславцев (вопрос о содержании их учения, разумеется, не рассматривался)⁴⁴. Иными словами, монарх увязывал будущее успешное прохождение законопроекта с уступками общественному мнению.

Таким образом, к началу Первой мировой войны правительственный взгляд на проблемы Православной Церкви в целом оставался неизменным: как и в годы революции 1905 г., основной задачей считалось возрождение приходской жизни, причем ее актуальность становилась все более значимой по мере реализации принципа вероисповедной свободы в отношении старообрядцев. Именно это в первую очередь вызвало приход Саблера и изменение политики правительства по вопросу свободы совести. Еще одним важным фактором было наступление относительной политической стабилизации, что постепенно привело к приоритету религиозных соображений над сугубо политическими. Предпринятая Саблером коррекция ведомственного курса была в значительной степени обусловлена поведением III Думы. В дальнейшем противоречия исполнительной и законодательной властей по данному вопросу исчерпаны не были, в результате проведение разработанной Саблером приходской реформы было существенно осложнено этим противостоянием. Важная деталь: император, часто занимав-

⁴¹ См.: Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1914 год. С. 64–67.

⁴² См.: Там же. С. 63.

⁴³ См.: Новое время. 19 июня 1914 г.

⁴⁴ См.: *Иларион (Алфеев), еп.* Священная тайна Церкви: Введение в историю и проблематику имяславских споров. СПб., 2007². С. 641–674.

ший активную позицию в конкретных церковных вопросах, действовал непосредственно через премьера или обер-прокурора и ни разу так или иначе не вмешался в прения в самом Совете министров; решения правительственного большинства Высочайших возражений не вызывали.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, православный приход, духовенство, Совет министров, Российская империя, П. А. Столыпин, П. П. Извольский, В. К. Саблер, Государственная дума, свобода совести, старообрядцы.

THE COUNCIL OF MINISTERS AND THE PROBLEMS OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH (1906–1914)

F. GAYDA

The article focuses on representations of the Russian government on the main problems of the Orthodox Church in the early twentieth century. The first Russian revolution of 1905–1907 led to the proclamation of the principle of freedom of conscience, which must be reconciled with the maintaining principle of the dominant Church. For political reasons, the government embarked on a search for union with the Old Believers, but the Church was against this trend. The procurator of the Holy Synod P. P. Izvolsky tried to defend its interests in the government, but rarely found support. Meanwhile, Stolypin's government feared complications of their relationship with the Synod. The government originally set itself the task of fully implement all the principles of the decree 17 April 1905. The revival of parish life was the main task in the field of Church according to the government. This problem was more urgent as political stability was realized. These particular problems are identified the appointment of V. C. Sabler to office of the procurator of the Holy Synod. Sabler adjusted its policies in the confrontation with the III State Duma. It castigated the Synod and the alleged abolition of parochial schools. Sabler drafted a reform of the parish, which unlike Izvolsky and Duma's projects did not imagine electing clergy, moreover, he retained bishop's control over the parish council. Sabler developed parish reform, but its implementation is complicated by the opposition of the executive and legislative powers. However Sabler could not get consent from the Council of Ministers in carrying out reforms parish bypassing legislative chambers. Policy of the Council of Ministers are supported by the monarch, who used his supreme power by the prime minister or the procurator only in special cases.

Keywords: Russian Orthodox Church, Orthodox parish, clergy, the Council of Ministers, Russian Empire, P. A. Stolypin, P. P. Izvolskii, V. K. Sabler, the State Duma, the freedom of conscience, the Old Believers.

Список литературы

1. *Белов Ю. С.* Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.
2. *Гайда Ф. А.* Русская политическая общественность последних лет Империи о вере и Церкви // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. С. 16–24.
3. *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978.
4. *Иларион (Алфеев), еп.* Священная тайна Церкви: Введение в историю и проблематику имяславских споров. СПб., 2007².
5. *Лукоянов И. В.* У истоков российского парламентаризма: историко-документальное издание. СПб., 2003.
6. *Пинкевич В. К.* Вероисповедные реформы в России в период думской монархии (1906–1917 гг.). М., 2000.
7. *Рожков В., прот.* Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004.
8. *Сафонов А. А.* Правовое регулирование функционирования религиозных объединений в России в начале XX века. Дис. ... д-р юрид. наук. М., 2008.
9. *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 г.). М., 2002.